

ИОВ-СИТУАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ МИРООЩУЩЕНИЯ ГЕРОЕВ РОМАНА «СИНЯЯ КРОВЬ» Ю. БУЙДЫ

Владимир Сергеевич Рысухин

аспирант, преподаватель Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

e-mail: op.irbis@gmail.com

ORCID: 0009-0008-1746-1520

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы жанровой принадлежности и идейного наполнения романа «Синяя кровь» Ю. Буйды. В рамках статьи проза Юрия Буйды рассматривается как постмодернистская и необарочная, при этом отмечается, что существует различие между нарративной картиной мира и нарративной модальностью, в связи с чем мироощущение героев описывается как модернистское. Особое внимание уделяется следующим особенностям прозы Ю. Буйды: мифотворчество как художественный принцип и Иов-ситуация как мировоззренческая и сюжетная модель романа. Мифотворчество проявляется в особой сюжетной организации: поведение героев в авторском мифе обусловлено значением их имен и мифологических ролей. Основой мифологического пространства «Синей крови» является общий для всех текстов Буйды «чудовский миф», в который встраиваются герои из разных романов. Ида Змойро адаптируется под мифологические реалии посредством смены имени и принятием особой роли «старшей жрицы». Этот переход переносит функционирование образа Иды Змойро в метафизическое пространство и накладывает на нее обязательства по формулированию аксиологии и картины мира от лица идеологического лидера города Чудов. Ида Змойро делает это, отказываясь от «счастья» и «жизни» как основных ценностей, взамен предлагая концепцию эталонного человека с «синей кровью». В статье отдельно рассмотрено особое ощущение потерянности и неспособности достичь истины, свойственное Иов-ситуации, которое является мировоззренческой основой «чудовского мифа» Ю. Буйды. Ида Змойро описана как реализация архетипа Иова, которому свойственно переживание страданий, влекущее за собой возникновение повествовательной инстанции, предъявляющей претензии о несовершенстве мироустройства Создателю.

Ключевые слова: художественный мир, Ю. Буйда, мифотворчество, картина мира, Иов-ситуация

Введение

Проза Юрия Буйды сопротивляется попыткам определить ее в рамках литературного процесса. Сам Юрий Буйда высказывает следующую мысль: «Но если честно, в том, что называется литературным процессом, я стараюсь не участвовать» (цит. по: [Безрукавая 2015: 848]). Так, в отечественном литературоведении его определяют как модерниста, постмодерниста, представителя небарокко, в отдельных текстах можно найти диалог с экзистенциализмом.

В настоящей статье мы рассмотрим жанровые особенности прозы Ю. Буйды, а также аспекты мифотворчества в моделировании картины мира – в частности, ветхозаветные мотивы, лежащие в основе сюжета и мировоззрения романа «Синяя кровь».

Жанровые особенности

О принадлежности героев романа «Синяя кровь» эпохе модернизма говорит А.В. Татаринов: «Юрий Буйда написал роман о человеке модерна, о его обреченности, сокровенной пустоте и умении извлекать эстетический смысл из своего непридуманного отчаяния» [Татаринов]. В пользу подобного определения высказывается также М.В. Безрукавая:

«Он может быть назван мастером модернистского эгоцентризма, особого художественного понимания человека, которое предусматривает приоритетное внимание к эстетическим, а не этическим

ракурсам оценки человека и состоявшегося сюжета» [Безрукавая 2015: 847].

В другой работе исследовательница указывает на то, что проза Ю. Буйды опирается на обе литературные традиции:

«На границе модернизма и постмодернизма находятся многие авторские установки: предельно эстетизированная афористичность стиля, интерес к эгоцентричным героям, стремление к созданию субъективных мифологических контекстов, постоянное внимание к разнообразным деформациям жизненного материала» [Безрукавая 2016: 77].

Некоторые исследователи говорят о произведениях Ю. Буйды исключительно в контексте постмодернизма. Так, например, М.П. Абашева последовательно разворачивает метафору ризомы, характерную для разговора о постмодернизме, описывая особенности построения авторского цикла рассказов (и романов), в который входит в том числе «Синяя кровь» [Абашева: 75]. Основой для объединения в один цикл является наличие общего хронотопа – советского и постсоветского города Чудов, в котором происходят события этих произведений. Также следует упомянуть исследование О.А. Колмаковой, развивающее тему «христианских аллюзий как культурного контекста для восприятия постмодернистского текста» [Колмакова: 164]. Здесь можно обратить внимание на то,

что в отдельных научных трудах проза Ю. Буйды аксиоматически воспринимается как пост-модернистская.

Отдельно следует говорить о явлении необарокко, в рамках которого Ю. Буйда неоднократно рассматривается как писатель. Так, Т.Г. Прохорова и А.М. Пельмская, расширяя понимание барочных тенденций, отмечают:

«В прозе Ю. Буйды барочность проявляет себя прежде всего на уровне мифологичности картины мира. В романе “Синяя кровь” в основу мифа положено представление о мире как о бесконечном театральном действе. При этом театр становится фундаментальной категорией бытия, определяющей как духовную, так и бытовую стороны жизни его персонажей» [Прохорова: 157].

Стоит отметить, что эта тенденция свойственна не только роману «Синяя кровь», для которого театрализация видится характерной в свете особенностей профессии и мировосприятия главной героини. Театрализацию ритуальных процессов находим в более позднем романе «Вор, шпион, убийца»:

«<...> ставили в кузов гроб с покойником, за машиной выстраивались родственники, за ними – оркестр во главе с вечно пьяным Чекушкой, а следом вытягивалась процессия – привыкающие к смерти старушки в плюшевых жакетах, соседи, мятежная баба Буяниха в пальто со шкурой неведомого зверя на воротнике, беспричинные люди –

пьяницы, которые надеялись напиться на поминках, дурак Вита Смолокуров и дурочка Общая Лиза, бродячие собаки да какая-нибудь шалая коза с пучком травы в зубах...

Иногда двигатель полуторки глох, и машину приходилось толкать. Родственники, соседи и сумасшедшие дружно налегали, Коля <водитель> матерился, оркестр играл что-нибудь бодрящее, бродячие псы лаяли, коза отчаянно блеяла, наконец мотор начинал стрелять и рычать, и шествие возобновлялось» [Буйда 2013: 23].

Среди характерных необарочных черт прозы Ю. Буйды Т.Г. Прохорова и А.М. Пельмская выделяют следующие:

- перенос с целого на деталь как характерная черта метода;
- фрагментарность композиции;
- эстетика повторения, дублирования, которые приводят к наращиванию новых смыслов;
- обязательность «вещных деталей», которые символизируют этап жизни главного героя.

Попытка синтезировать различные взгляды на прозу Ю. Буйды с точки зрения исторической поэтики может привести к следующему положению: проза Ю. Буйды создается во временных рамках культурной эпохи пост-модернизма, одним из ответвлений которого предстает необарокко, поэтому текст с точки зрения построения должен быть охарактеризован как постмодернистский, однако герои,

которых изображает Ю. Буйда, мыслят как модернистские персонажи. На это косвенно указывает в том числе исследование О.А. Гримовой, в котором проводится различие между нарративной картиной мира (референтная компетенция автора) и нарративной модальностью (креативная компетенция повествователя, рассказчика, хроникера) [Гримова: 61].

Таким образом, Юрий Буйда как автор предстает постмодернистом, но ни один его текст не обходится без особого автобиографично сфабрикованного рассказчика, который по-своему мироощущает, часто сочувствуя персонажам, которые у него получают модернистскими. Поэтому следует говорить о различии между нарративной картиной мира и нарративной модальностью, которые в случае с прозой Ю. Буйды имеют разную историко-поэтическую принадлежность.

Мифотворчество

Одна из важных особенностей прозы Ю. Буйды – мифологизм. Он проявляется на всех уровнях построения текста: от уже описанного сквозного, развивающегося в разных текстах хронотопа города Чудов, обладающего собственной историей и географией, до моделей поведения персонажей, которые порождаются свойственными мифологическому сознанию паттернами мышления.

Буйда «создает целый мир, детально прорисованный, наделенный собственной мифологией, историей и географией» [Горш-

кова: 174]. Этот мир обладает характерными для мифологического универсума чертами. Например, следует обратить внимание на тезисную образность и прямолинейность понимания мироздания:

«<чудовцы> Знали, что у жены доктора Жереха свиной хвост. Что аптекарь Сиверс делает себе клизму с водкой. Что священник отец Дмитрий Охотников боится пауков. Что хозяйка ресторана Малина подмешивает в самогон куриный помет. Что директриса школы Цикута Львовна во сне ругается, как пьяный сапожник. Что Анна Ахматова никогда не писала стихов, потому что всю жизнь торговала селедкой в Каменных Корпусах. Что Гитлер – незаконный брат Сталина. Что водку делают из бензина. Что русалки не курят. Что солнце встает на востоке, а садится где надо» [Буйда 2011: 9].

Утверждения о мире аксиоматичны, претендуют на знание тайны и объяснение мира, что свойственно сознанию, порождающему мифологические нарративы.

Кроме того, важной деталью является факт имянаречения персонажей как один из этапов инициации. М.П. Абашева указывает на это следующим образом:

«Мифологическое по своей природе пространство прозы Буйды приспособливает к себе героя: персонажи Буйды не носят имен, данных при рождении, а переименовываются заново самими же героями его мифологического универ-

сума – “люди звали”, “с того дня его стали называть”» [Абашева: 75].

Будучи частью Чудова как мифологического пространства, персонажи органично встраиваются в этот мир, адаптируясь под мифологические реалии, и принимают на себя определенную роль, в которой это мифологическое пространство нуждается.

Однако и выбор имени оказывается не случайным. Здесь можно говорить о двусторонней мотивации выбора имени: с одной стороны, встраиваясь в миф, становясь архетипом, персонаж реализует потребности мифологического пространства в определенном типе героя. В случае с городом Чудов роль, которая возлагается на Иду Змойро, – это роль «старшей жрицы установленного здесь культа: выпускающая голубки в день кремации покойников – она учит исполнению ритуала маленьких девочек» [Там же: 76]. Более того, эта роль, как и в любом мифологическом пространстве, передается по наследству и по праву преемничества: создателем культа кремации является ее отец, командир Первого красногвардейского батальона имени Иисуса Христа Назореянина, Царя Иудейского.

Вторую сторону мотивации имени можно объяснить, апеллируя к идее О.М. Фрейденберг:

«Основной закон мифологического, а затем и фольклорного сюжетосложения заключается

в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» (цит. по: [Там же]).

Воспользуемся внутритекстовой трактовкой образа, сопровождающего имя Иды. Ида Змойро (в детстве Таня) выбирает себе имя Иды, подражая Иде Рубинштейн, которую она увидела в одной книге на портрете Серова. В образе женщины с портрета она видит сестру, избранную и отверженную, как она. И действительно, весь сюжет, связанный с персонажем Иды Змойро, можно объяснить, опираясь на такую семантику имени.

Картина мира

Роман содержит несколько ключевых, повторяющихся на протяжении всего текста аксиологических установок, среди которых наиболее примечательными являются следующие: «От счастья толстеют», «Заслуживает ли жизнь быть прожитой?» и концепция «синей крови», формируемая вместе с развитием сюжета.

Конечно, тремя утверждениями нельзя охватить всю систему ценностей и мировоззренческих установок в романе, однако именно эти три отобранные нами концепции являются наиболее яркими выразителями картины мира Иды Змойро и рассказчика в этом романе как особой субъективной по-

вествовательной инстанции и вместе с тем ученика Иды, которого она называет Пятницей, очевидно намекая на ученичество последнего, подобно тому как соотносятся роли Робинзона и Пятницы у Даниеля Дефо.

«От счастья толстеют», – фраза, произнесенная Идой в момент, когда с ней происходит несчастье, как называет ситуацию (перелом) врач Иды. Наличие подобного убеждения позволяет говорить о нескольких вещах: во-первых, Ида отвергает общую для большинства философских систем ценность «счастья» в классическом его понимании как состояния удовлетворенности различных потребностей, уникальных для конкретной философской системы. Во-вторых, важно отметить, что Ида произносит эти слова не в момент отчаяния, а в момент душевного подъема. Это свидетельствует о том, что причины, которые заставляют Иду так говорить, это не отчаяние и беспомощность, а скорее воодушевление от получения нового понимания мироустройства. Чтобы понять природу этого нового понимания, нужно обратиться к двум другим идеям Иды.

«Заслуживает ли жизнь быть прожитой», заставляет Иду задаваться вопросом Юрий Буйда, вплетая в контекст атеистический экзистенциализм Альбера Камю, несколько трансформируя исходную формулировку, но отнюдь не до неузнаваемости, так что мы четко прочитываем этот вопрос, который служит маркером человека абсурда, находя-

щегося в состоянии глубокого осмысления и переосмысления ценностей, в том числе ценности жизни. Особо примечателен ответ Иды на этот вопрос: «Конечно же, нет. Но мне такой удачи не выпало» [Там же: 208]. По мнению Иды, жизнь недостаточно хороша, чтобы ее можно было желать прожить.

Третья аксиологическая установка не лишена некоторой романтизации индивидуализма, потому что формулирует эталон человека – человека с «синей кровью», который «как никто чувствует пределы человеческих возможностей и знает, как далеко человек может зайти за эти пределы. И заставить человека переступить черту может только тот, у кого в жилах течет синяя кровь» [Там же: 159]. Синяя кровь – это жажда власти и сила для ее получения, это тайное знание и «Безумие... синяя кровь – это безумие...» [Там же], это избранничество и вместе с тем оставленность, отсутствие возможности получить признание и помощь со стороны.

Человек с «синей кровью» ощущает надлом в системе мироздания, он пытается дать шанс этому миру, как Ида, которая «хотела просто жить, просто играть, просто любить, то есть хотела быть счастливым продуктом распада обычной жизни, где все левое – просто левое, а правое – просто правое» [Там же: 186]. Однако именно человеку с «синей кровью» не удается, раз осознав противоречивость мироздания, забыть о ней и просто жить дальше. Такой человек будет задавать

миру (людям, Богу) вопросы, пытаясь восстановить потерянное или получить новое понимание мира.

Подобное состояние в современной философской, психологической и социологической традиции принято именовать Иов-ситуацией, т. е. состоянием абсурда, возникающим из-за незаслуженных страданий и по причине потери уверенности в устоявшейся картине мира. Н.Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдер отмечают, что «дело не в физических страданиях и не в боли об утраченном, а в том, что он (*Иов*) жаждет и не может понять смысла происходящего» [Мухелишвили: 42]. Ида Змойро как человек с «синей кровью» ощущает этот разрыв тонко и тяжело.

Иов как сюжетная и мировоззренческая проблема

Для Иов-ситуации характерно воспроизведение кризисного сознания, «которое пытается осмыслить и пережить деконструкцию, распад мира» [Там же: 43]. Именно в этом состоянии Ида Змойро, вслед за своим отцом, находится в течение почти всего повествования. Это состояние можно назвать выразителем ее мироощущения, а также сюжетным двигателем, потому что непрекращающиеся попытки найти смысл в абсурдности бытия и становятся толчками к новым действиям. Это позволяет говорить об особой роли Иов-ситуации в процессе

формирования мировоззрения Иды и ее рассказчика, а также о влиянии этого состояния на внутренние механизмы сюжетостроения.

Мы уже коснулись вопроса картины мира, создаваемой в романе «Синяя кровь». Можно отметить, что указанные нами аксиологические установки – это необходимые следствия того, что главная героиня, как и некоторые другие герои романа, не покидает состояние Иов-ситуации. Здесь мы не говорим о том, что Ида повторяет сюжет Ветхозаветной книги Иова и находит ответы подобно праведнику из земли Уц. Однако мы можем говорить о том, что Ида повторяет внутренний сюжет движения человеческой мысли от обладания некоторой истиной, которая лежит в основе жизни и быта окружающих людей, к разочарованию в этой истине по причине того, что истина эта не способна объяснить происходящие с героем события, и далее – к формулированию претензий к миру и его Создателю.

Еще одна не упомянутая нами ранее этико-эстетическая максима, которую Ида неоднократно повторяет в тексте, – «Если гвоздь забит правильно, то Бог существует и мир может быть спасен. Я хочу, чтобы все гвозди были забиты правильно» [Буйда 2011: 227] – на минималистическом примере подтверждает мысль, высказанную ранее: есть законы этого мира, известные всем (не все люди одинаково хорошо способны их сформулировать, но точно имеют представление

об их существовании), эти законы должны работать и обладать способностью объяснять происходящие в мире события, однако иногда происходят такие события, которые невозможно было бы объяснить работой общеизвестных законов.

Осознание такого положения вещей является необходимой частью попадания героя в Иов-ситуацию. Ида понимает, что есть закон «забивания гвоздей», который гласит, что гвоздь должен быть забит ровно, «правильно». И если этот закон последовательно реализуется в окружающей действительности, то «Бог существует и мир может быть спасен». Однако следующее предложение – «Я хочу, чтобы все гвозди были забиты правильно» – выражает желательную модальность в отношении последовательной реализации этого закона. Ида *знает*, что этот закон не реализуется на постоянной основе, однако она *хочет*, чтобы этот закон был последовательно реализован всегда, поэтому она *ищет* другие законы, которые могли бы объяснить «неправильно забитые гвозди» так, чтобы при этом Бог продолжал существовать, а мир мог быть спасен.

Вот как интерпретирует это состояние А.В. Татаринов:

«Юрий Буйда не показывает путь своих героев к состоянию без Бога, Родины и идеи. Словно не было пути, и вполне органично для человека быть живым олицетворением пустотности, существом,

оставленным один на один с абсурдом существования, который не нуждается ни в каких подтверждающих событиях, присутствует на правах самой серьезной правды» [Татаринов].

В рамках ветхозаветной истории Иова мы видим главного героя, который находится в состоянии кризиса мироощущения, поскольку его ветхозаветная концепция праведности, которую дал человеку сам Бог, не выдерживает проверки реальной жизнью. И тогда Иов начинает предъявлять претензии Богу относительно несовершенного мироустройства. Ида Змойро – это Иов, застывший в таком состоянии. Ее жизнь сюжетно соответствует такому архетипу: Ида переживает последовательные и непрекращающиеся удары судьбы (пятно на груди, задушенная голубка, авария, увечье, репрессии, убийство ее подопечных), пытается найти концептуальное оправдание этим событиям, не находит, но продолжает оставаться собой – человеком, который выполняет функцию поиска смысла в борьбе с бессмыслицей.

Можно заключить, что роман «Синяя кровь» Ю. Буйды имеет сюжетную и мировоззренческую основу в концепции Иов-ситуации, которая становится необходимой доминантой способа построения авторского мифа и помогает объяснить логику организации текстового пространства.

Литература

Абашева, М.П., Куриленко, М.В. Поэтика циклизации в прозе Юрия Буйды // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. № 2. С. 72–80.

Абашева, М.П., Куриленко, М.В. Природа мифа в творчестве Ю. Буйды // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (65). С. 38–45.

Безрукавая, М.В. Проза Ю. Буйды: герой в пространстве эстетического понимания жизни // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 236–240.

Безрукавая, М.В. Творчество Ю. Буйды как литературный проект // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 16. С. 100–105.

Безрукавая, М.В. Художественная модель мира в прозе Ю. Буйды 2010-х годов // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 1 (25). С. 75–85.

Буйда, Ю.В. Вор, шпион и убийца. М.: Эксмо, 2013.

Буйда, Ю.В. Синяя кровь. М.: Эксмо, 2011.

Горшкова, Е. Не такое уж темное царство // Октябрь. 2011. № 11. С. 174–178.

Гримова, О.А. Нарративная модальность в романе Ю. Буйды «Синяя кровь» // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 1. С. 60–62.

Колмакова, О.А. Христианский дискурс в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» // СибСкрипт. 2017. № 1 (69). С. 164–168.

Мусхелишвили, Н.Л., Шрейдер, Ю.А. Иов-ситуация: искушение абсурдом // Философская и социологическая мысль. 1991. № 8. С. 41–53.

Прохорова, Т.Г., Загфарова, И.М. Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 1 (43). С. 251–255.

Прохорова, Т.Г., Пелымская, Е.М. Черты необарокко в романе Юрия Буйды «Синяя кровь» // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 2 (36). С. 155–159.

Прохорова, Т.Г. Роман Юрия Буйды «Синяя кровь»: жизнь как театр или театр жизни? // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 117–135.

Татаринов, А.В. Актер в крематории // Журнал любителей русской словесности [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://hrono.ru/proekty/parus/tatar0511.php> (дата обращения: 04.04.2024).

Ченис, Т. Необарочные элементы поэтики Юрия Буйды // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6. № 4. С. 92–123.

References

Abasheva, M.P., & Kurilenko, M.V. (2020). Poetika tsiklizatsii v proze Yuriya Buydy [Poetics of cyclization in the prose of Yuri Buida]. *Vestnik*

Permskogo Universiteta. Russkaya i Zarubezhnaya Filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2, 72–80.

Abasheva, M.P., & Kurilenko, M.V. (2021). Priroda mifa v tvorchestve Yu. Buydy [The nature of myth in the works of Yu. Buida]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 3 (65), 38–45.

Bezrukavaya, M.V. (2015). Proza Yu. Buydy: geroy v prostranstve esteticheskogo ponimaniya zhizni [Prose of Yu. Buida: a hero in the space of aesthetic understanding of life]. *Istoricheskaya i Social'no-Obrazovatel'naya Mysl'* [Historical and socio-educational thought], 7 (6 / 2), 236–240.

Bezrukavaya, M.V. (2015). Tvorchestvo Yu. Buydy kak literaturnyy proyekt [The work of Yu. Buida as a literary project]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)* [Language and Culture (Novosibirsk)] 16, 100–105.

Bezrukavaya, M.V. (2016). Khudozhestvennaya model' mira v proze Yu. Buydy 2010-kh godov [An artistic model of the world in the prose of Y. Buida in the 2010s]. *Sovremennye Issledovaniya Socialnykh Problem* [Contemporary Research on Social Issues], 1 (25), 75–85.

Buyda, Yu.V. (2011). *Sinyaya krov'* [Blue blood]. Moscow: Eksmo.

Buyda, Yu.V. (2013). *Vor, shpion i ubiytsa* [A thief, a spy and murderer]. Moscow: Eksmo.

Chenis, T. (2021) Neobarochnyye elementy poetiki Yuriya Buydy [Neo-Baroque elements of

the poetics of Yuri Buida]. *Praktiki i Interpretatsii: Zhurnal Filologicheskikh, Obrazovatel'nykh i Kul'turnykh Issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 6 (4), 92–123.

Gorshkova, E. (2011). Ne takoye uzh temnoye tsarstvo [The not-so-dark kingdom]. *Oktyabr'* [October], 11, 174–178.

Grimova, O.A. (2013). Narrativnaya modal'nost' v romane Yu. Buydy *Sinyaya krov'* [Narrative modality in Y. Buida's novel Blue Blood]. *Kul'turnaya Zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Life in the South of Russia], 1, 60–62.

Kolmakova, O.A. (2017). Khristianskiy diskurs v romane Yu. Buydy “Vor, shpion i ubiytsa” [Christian discourse in Y. Buida's novel “The thief, the spy and the murderer”]. *SibSkript*, 1 (69), 164–168.

Muskhelishvili, N.L., & Shreyder, Yu.A. (1991). Iov-situatsiya: iskusheniye absurdom [Job situation: temptation by the absurd]. *Filosofskaya i Sotsiologicheskaya Mysl'* [Philosophical and Sociological Thought], 8, 41–53.

Prokhorova, T.G., & Pelymskaya, E.M. (2014). Cherty neobarokko v romane Yuriya Buydy “Sinyaya krov'” [Neo-Baroque features in Yuri Buida's novel “Blue Blood”]. *Vestnik Tatarskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-pedagogicheskogo Universiteta* [Tatar State Humanitarian and Pedagogical University Bulletin], 2 (36), 155–159.

Prokhorova, T.G., & Zagfarova, I.M. (2016). Formy inobytiya v novellistike Yuriya Buydy

[Forms of other existence in the short stories of Yuri Buida]. *Vestnik Tatarskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-pedagogicheskogo Universiteta* [Tatar State Humanitarian and Pedagogical University Bulletin], 1 (43), 251–255.

Prokhorova, T.G. (2013). Roman Yuriya Buydy “Sinyaya krov”: zhizn’ kak teatr ili teatr zhizni? [Yuri Buida’s novel “Blue Blood”: life as

theater or theater of life?]. *Voprosy Literatury* [Literature Issues], 1, 117–135.

Tatarinov, A.V. (2011). Akt’or v krematorii [Actor in the crematorium]. *Zhurnal Lyubiteley Russkoy Slovesnosti* [Magazine of Lovers of Russian Literature]. Retrieved from: <http://hrono.ru/proekty/parus/tatar0511.php> (date of access: 04.04.2024).

Для цитирования: Рысухин, В.С. Иов-ситуация как модель мироощущения героев романа «Синяя кровь» Ю. Буйды // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 3. С. 125–136. DOI 10.18522/2415-8852-2024-3-125-136

For citation: Rysukhin, V.S. (2024). The Job-situation as an ideological model of the characters in the novel “Blue blood” by Yu. Buida. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (3), 125–136. DOI 10.18522/2415-8852-2024-3-125-136

THE JOB-SITUATION AS AN IDEOLOGICAL MODEL OF THE CHARACTERS IN THE NOVEL “BLUE BLOOD” BY YU. BUIDA

Vladimir S. Rysukhin, Postgraduate Student, Lecturer, Kuban State University (Krasnodar, Russia);
e-mail: op.irbis@gmail.com

Abstract. The article examines the genre and ideological content of the novel “Blue Blood” by Yuri Buida. Within the framework of the article, the prose of Yuri Buida is considered as postmodernist and neo-baroque, while it is noted that there is a difference between the narrative picture of the world and the narrative modality, in connection with which the worldview of the heroes is described as modernist. Particular attention is paid to the following features of Yuri Buida’s prose: myth-making as an artistic principle and the Job situation as an ideological and plot model of the novel. Myth-making is manifested in a special plot organization: the behavior of the heroes in the author’s myth is conditioned by the meaning of their names and mythological roles. The basis of the mythological space of Blue Blood is the “Chudov myth” common to all of Buida’s texts, into which heroes from different novels are embedded. Ida Zmoiro adapts to mythological realities by changing her name and accepting the special role of the “senior priestess”. This transition transfers the functioning of the image of Ida Zmoiro to the metaphysical space and imposes on her the obligation to formulate an axiology and a picture of the world on behalf of the ideological leader of the city of Chudov. Ida Zmoiro does this by rejecting “happiness” and “life” as the main values, instead offering the concept of a standard person with “blue blood”. The article separately examines the special feeling of being lost and unable to reach the truth, characteristic of the Job-situation, which is the ideological basis of the “Chudov myth” of Yu. Buida. Ida Zmoiro is described as the implementation of the archetype of Job, who is characterized by the experience of suffering, which entails the emergence of a narrative instance that makes claims about the imperfection of the world order to the Creator.

Key words: artistic world, Yu. Buida, myth-making, picture of the world, Job-situation

